

IMPLEMENTATION OF SYNONYMIC POSSIBILITIES OF SOUNDING VERBS (BASED ON M. BULGAKOV'S STORY «FATAL EGGS» AND «HEART OF A DOG»)

Balasanian Mariana Albertovna^{1*}

Associate Professor of Samtskhe-Javakheti State University,
Akhaltsikhe, Georgia.

Khinchagashvili Natela Shotaevna²

Professor of Gori State University,
Gori, Georgia.

(date of receiving: June, 2024; date of acceptance: August, 2024)

Abstract

This article makes an attempt to find and classify the predicates with which M. Bulgakov endows his characters, which is one of the methods of semiotic analysis of a literary text. It is believed that analysis of the synonymous potential of the language of M. Bulgakov's stories, at least using the example of sound verbs, can help in interpreting the text as a whole. The stories we are considering, "Heart of a Dog" and "The Fatal Eggs," are satirical, extremely action-packed. Therefore, they are of interest for the semiotic study of text, since the text, according to semiotics, is studied as language in action. The work analyzes 53 verbs. The empirical basis of the factual material used in the work was a selection of verbs with a lexical-semantic sound variant from the main lexicographic sources. The scientific novelty of the study lies in the approach to solving the problem and is due to the lack of special works on synonymy (except for the work of Y. S. Stepanov), in particular, verbal synonymy, from the standpoint of semiotics.

Keywords: Synonymy, Sounding Verbs, Semiotics, M. Bulgakov.

---

1. E-mail: balasanianm@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-7365-9725>

* Corresponding author

2. E-mail: natela.sveta@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-0322-378X>

РЕАЛИЗАЦИЯ СИНОНИМИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ГЛАГОЛОВ ЗВУЧАНИЯ (ПО ПОВЕСТИ М.БУЛГАКОВА «РОКОВЫЕ ЯЙЦА» И «СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ»)

Баласаниян Марианна Альбертовна^{1*}

Доцент, Самцхе-Джавахетский государственный университет,
Ахалцихе, Грузия.

Хинчагашвили Натела Шотаевна²

Профессор Горийского государственного университета,
Гори, Грузия.

(дата получения: июнь 2024 г.; дата принятия: август 2024 г.)

Аннотация

В данной статье сделана попытка выявления и классификации предикатов, которыми М. Булгаков наделяет свои персонажи, что является одним из приёмов семиотического анализа художественного текста. Полагается, что анализ синонимического потенциала языка повестей М. Булгакова на примере глаголов звучания, может помочь в интерпретации текста в целом. Рассматриваемые нами повести «Собачье сердце» и «Роковые яйца» – сатирические, до предела насыщенные действием произведения. Поэтому они представляют интерес для семиотического изучения текста, так как текст, согласно семиотике, изучается как язык в действии. В работе анализируется 53 глагола. Эмпирическую базу использованного в работе фактического материала составила выборка глаголов с лексико-семантическим вариантом звучания из основных лексикографических источников. Научная новизна исследования состоит в подходе к решению проблемы и обусловлена отсутствием специальных работ по синонимии (если не считать работу Ю. С. Степанова), в частности, глагольной синонимии, с позиций семиотики.

Ключевые слова: синонимия, глаголы звучания, семиотика, М. Булгаков.

---

1. E-mail: balasianam@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-7365-9725>

* Ответственный автор

2. E-mail: natela.sveta@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-0322-378X>

Введение

В повести М. Булгакова «Собачье сердце» носителем сюжета, то есть субъектом, является профессор Преображенский, создавший человека из животного. Такой приём в литературе не нов – превращение человека в животное и наоборот встречается в мифологии, сказках, фантастических произведениях. Вспомним хотя бы роман Г. Уэллса «Остров доктора Моро». Звери, превращённые в людей, стали ими лишь до известной степени и достичь большего доктору Моро не удалось. Также и у М. Булгакова. Созданный им человек становится человеком до известной степени. Но если доктор Моро гибнет, профессор Преображенский возвращает своё создание в первоначальное состояние. Этот приём использован обоими писателями для сатирического изображения действительности. «Любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста. Тем самым встаёт понятие интертекстуальности» (Тодоров 2003. 6).

Основная часть

Сюжет «Собачьего сердца» развивается в Москве в 20-ые годы двадцатого столетия. Описание быта, фигур, нравов советской действительности и составляет картину мира, предложенную автором и решённую им в сатирическом ключе. «Текст – это память, в атмосферу которой независимо от своей воли погружён каждый писатель» (Тодоров 2003. 1).

Одним из носителей сюжета М. Булгаков делает Шарикова – создание профессора Преображенского. Он наделён определёнными признаками (по терминологии Ю. С. Степанова – «пучком признаков»).

Под интенционалом в семиотике понимается совокупность семантических признаков, а под экстенционалом – предметы внешнего мира, определяемые этой совокупностью признаков. Если признать, что совокупность признаков – интенционал, а индивид – экстенционал, то «...в художественной речи, в

романе – понятие интенционала выходит на первый план (Степанов 2001. 21), что закономерно. Придумав персонаж, писатель только начинает работу, он должен через него воплотить определённую идею, показать своё отношение к изображаемому им миру. Поэтому автор и наделяет свой персонаж характерными для него признаками. «Автору принадлежат характеристики персонажей, в частности, характеристики душевного состояния персонажей, анализ их возможных реакций на то или иное явление, событие...» (Кожевникова 1977. 8).

Какие же признаки характеризуют такой персонаж, как Шариков? Он предстаёт перед нами в нескольких трансформациях: собака – 2) существо – 3) человек – 4) собака.

Проследим:

1) Зина отстегнула ошейник, пёс помотал головой и *фыркнул*.

2)... впервые *слова, произнесённые существом*, не были оторваны от окружающих явлений.

3) – Уж, конечно, как же ... – иронически *заговорил* человек.

4) Когда он вернулся и посвистал, за ним из двери выскочил пёс странного качества.

В каждом своём облики персонаж наделён чертами, формирующими его характер и поступки.

Пёс Шарик – умный, наблюдательный, не лишён сатирического дара, увиденная им из подворотни человеческая жизнь интересна в метко замеченных подробностях быта и характеров того периода. По авторской характеристике – подлиза, не лишённый обаяния: «*Шарик – пёс, обладал каким-то секретом покорять сердца людей*»; по характеристике профессора – «*ласковый, но хитрый*».

Человек Шариков – алкоголик, доносчик, демагог, дармоед, то есть, по словам окружающих – прохвост, дрянь. Недаром профессор сокрушается: «*Вы*

знает е, какую работ у проделал.. И вот т еперь спрашивается – зачем? Чт обы в один прекрасный день милейшего пса преврат ит ь в т акую мразь, чт о волосы дыбом вст ают ». И далее: «– Но кт о он? Клим, Клим... – вот чт о-с: две судимост и, алкоголизм, всё поделит ь, шапка и два червонца пропали... – хам и свинья». Бывшая собака становится человеком, у которого доминируют худшие качества животного, он – свинья. «Свинья» - 3. Разг. О человеке поступающему грубо, неблагодарно и низко (Ушаков 2017. 156).

Итак, индивид, пусть даже вымышленный, обрывает в каждой своей трансформации новым «пучком» признаков.

Один из этих признаков – голос. «Голос относится к тем устройствам или органам, которые сами по себе способны передавать актуальное эмоциональное состояние человека...» (Крейдлин 2000. 46). Звуковая характеристика речи Шарикова занимает в повести важное место. Поэтому М. Булгаков подчёркивает: «Голос у него был необыкновенный, глуховат ый и в т о ж е время гулкой, как в маленький бочонок». В этой характеристике, как видим, сохраняются признаки, свойственные Шарик-псу. Но они имплицитны: голос необыкновенный – для кого? – для человека.

При характеристике Шарика М. Булгаков использует два синонимических ряда «лаят ь – т явкат ь – гавкат ь» и «скулит ь – подвывает ь». Выбор синонима диктуется ситуацией, реакцией пса на события. Освоившись в доме профессора, Шарик начинает лаять: «...пёс изучил звонок Филиппа Филипповича... и вылет ал с лаем вст речат ь его...». Лаять – это признак уверенности, самоутверждения.

Увидев одного из пациентов, Шарик реагирует на его появление, но поскольку он сыт, дремлет, пока ещё побаивается хозяина, то он лишь тьякает, то есть издаёт более тихие и слабые звуки, чем при лае. Однако при виде кошек на кальсонах пациента, Шарик забывает об осторожности и, повинувась инстинктивной ненависти к кошкам – гавкает. Сравним:

В минуты опасности он издаёт жалобные звуки или скулит, или подвывает:

«Пёс подвывал, грызлся, цеплялся за ковёр...»

«-У-у! – скулил пёс – подлиза и полз на брюхе».

Глагол *«подвывает ь»* употреблён автором и в тот момент, когда пса кольнуло нехорошее предчувствие в день операции: «Он скучно прошёлся в приёмную и легонько *подвыл* там на собственное отражение». Подвывание переходит в вой в момент перед операцией: «Потом полутьма ванной стала страшной, он *завыл*, бросился на дверь...». Здесь глагол *«выт ь»*, *«подвывает ь»* демонстрирует способность наращивания семантического потенциала. Так, вой собаки ассоциируется с бедой, несчастьем. Эту ситуацию человек обычно оценивает применительно к себе. В приведённом понимании собака воет, чуя неладное, но это касается не человека, а собаки. Возможно, здесь скрыта собака (в данный момент) – человек (в скором будущем), что восстанавливает равновесие, принятое в сознании языковой личности: собака воет – человеку беда, горе. И это тоже знак очеловечивания Шарика, но знак эксплицитный.

В процессе «очеловечения» Шарика происходят и тембральные изменения голоса: *«Обращает внимание резкое изменение тембра и понижение тона. Лай вместо слова «гау-гау» на слоги «а-о», по окраске от далённо напоминает стон».*

Вначале, когда он только овладевает человеческой речью, Шарик всё ещё лает: «...пёс отчётливо *пролаял* «А – б – ыр»; *«отчётливо лает Абыр».* Далее М. Булгаков вводит в авторское повествование уже глаголы речи, а именно синонимическую пару «говорить – произносить»:

«Он произносит очень много слов».

«Он говорит новое слово милиционер» и, наконец, существо:

«...гладко ведёт разговор».

Итак, перед читателем человек. Отсюда – использование глаголов речи, синонимических рядов «от вечат ь – от зыват ься», «говорит ь – сказат ь – произносит ь – молвит ь», «бормот ат ь – бубнит ь – бурчат ь». Каждый синонимический ряд выполняет не только смысловую, но и функцию характеристики.

Все приведённые выше синонимические ряды глаголов речи, кроме последнего, не содержат коннотативного элемента и не дают звуковой характеристики речи Шарикова. Поэтому автор вводит в текст наречия, которые выполняют отсутствующие компоненты:

- Гу-гу! – ж *алобно* и т *ускло* ответил голос Шарикова.
- Я не хочу, – *злобно* отозвался Шариков.
- Больно утесняете, – вдруг *плаксиво* выговорил человек.

Особенно часто автор употребляет наречие «*злобно*»: *злобно косит ся, злобно от озвался, злобно гавкнул*. Этим подчёркивается агрессивность, унаследованная Шариковым от пса. Но если его агрессивность была направлена против пролетариев, то Шариков ненавидит всех, кто не входит в число пролетариев. Его легко науськать на любого: «*Ну сейчас он всячески ст арает ся нат равит ь его на меня, не соображ ая, чт о если кт о-нибудь, в свою очередь, нат равит Шарикова на самого Швондера, т о от него ост анут ся т олько рож ки да нож ки*».

Иное дело синонимический ряд «*бормот ат ь – бубнит ь – бурчат ь*». Все эти глаголы, как нейтральный «*бормот ат ь*», так и разговорные «*бурчат ь*» и «*бубнит ь*» содержат различную звуковую характеристику речи. По М. Фасмеру (Фасмер 2004, с. 25) они восходят к звукоподражаниям, а Б. Ю. Норман относит подобные слова к иконическим знакам (Норман Б.Ю. 2003, с.32).

Бормотать – говорить *невнятно* и *тихо*.

Бурчать (разг.) – бормотать *раздражённо, сердито*.

Бубнить (разг.) – бормотать, *однообразно повторя* что-либо.

Используются они в эпизодах, где Шариков пьян: «Тот, затаясь и прилипая к шубам, *бормотал* на счёт того, что личности ему не известны»; недоволен: «- Ну что, ей- богу! – *забурчал* недовольно Шариков»; не хочет быть услышанным: «- У самих револьверы найдутся... - *пробормотал* Полиграф...»; обижен: «Как же мне не вмешиваться? – обидчиво *забубнил* Шариков». Все эти глаголы характеризуют *громкость / говорить тихо / и чёткость / невнятно / процесса говорения*, а также *характер речи* (бурчать – раздражённо, сердито; бубнить – однообразно).

В определённые моменты М. Булгаков использует синонимический ряд «*кричат* – *орать* – *ревет*», подчёркивая испуг: «- Ду...гу-гу! – что-то *кричал* Шарик сквозь рёв воды», «- Зина! – *орал* испуганный Шариков»; или возбуждённое состояние: «...дикий голос Шарикова *проревел* за дверью: – Убью на месте...». Нейтральный глагол «*кричат*» и разговорные «*орать*» и «*ревет*» подчёркивают громкость (кричать – громко, орать – очень громко, реветь – неистово громко), а глагол «*ревет*» – ещё и крайне возбуждённое душевное состояние.

Помимо приведенных выше глаголов, М. Булгаков широко использует глагол «*лаят*» и его производные формы, подчёркивающие эмоциональное состояние Шарикова в определённых ситуациях: Шариков возмущён: «- Разве я просил делать мне операцию, – человек возмущённо *лаял*, – хорошенькое дело»; испуган: «- Ни пса не видно, – в ужасе *пролаял* он в окно»; ищет выход из щекотливого положения: «- Я на колчаковских фронтах ранен, – *пролаял* он». Глагол «*лаять*» и его производные использованы здесь в окказиональном значении, что подчёркивается и контекстом: «Контекст подчиняет себе

значение слова ..., рассмотренного по отдельности (Мурашов 2003. 340). Нетрадиционность употребления подчёркивается средствами паралингвистики: интонация, сила голоса, тембр. «... Паралингвистические средства в той или иной мере представлены в каждом устном высказывании (Крейдлин 2000. 13). Именно поэтому компонент звучания выдвинут на первый план, в то время как у глаголов речи тема звучания занимает периферийное положение в семантической структуре. Окказиональным является и глагол «от лаял»: «– Я не господин, господа все в Париже! – от лаял Шариков». Данное слово в языке имеет значение «перестать лаять» и вторичное просторечное значение «бранить, ругать». Однако значение булгаковского глагола не соответствует ни первому, ни второму. Он сближается с глаголами «ответить» и в этом употреблении образует с ним синонимическую пару.

Все приведённые нами синонимические ряды в основном включают экспрессивные глаголы. Исключение составляют ряды «от вечать – от зывается», «говорит – сказать – произносит – молвит», «заявлять – высказывать», «объяснить – пояснить», которые приобретают экспрессивность при помощи дополнительных лексических средств. «...Экспрессивные глаголы выражают имплицитно, как правило, те же значения, которые эксплицитно выражаются наречиями или словосочетаниями наречного /обстоятельственного/ характера. Они как бы впитывают в себя наречные значения, обогащая, насыщая, таким образом, свою семантику» (Васильев 1966. 44).

Полной противоположностью Шарикову является его создатель, профессор Преображенский. Первая оценка профессора принадлежит Шарикову-псу: «Именно гражданин, а не т оварищ, и да же – вернее всего – господин. Ближе – яснее – господин.. Он умственного труда господин, с французской окончательной бородкой и усами седыми, пушистыми и лихими, как у

французских рыцарей...»). На протяжении всей повести автор подчёркивает сходство персонажа с королём: «Филипп Филиппович горделиво поднял плечи и сделался похож на французского древнего короля». Властность, уверенность в себе, некоторое высокомерие персонажа диктуют автору и подбор соответствующей лексики для звуковой характеристики речи профессора. Среди глаголов речи, подчёркивающих характер Преображенского, наряду с нейтральными «сказат ь», «спросит ь» и т. п. выделяется синонимическая пара «приказат ь – скомандовал ь», чаще всего встречающаяся в тексте повести: «Господин говорил так отрывисто, т очно командовал»; «– Снимайте штаны, голубчик, – скомандовал Филипп Филиппович и поднялся»; «Доктор Борменталь, благоволите предъявить Шарика следователю, – приказал Филипп Филиппович».

Гамма красок, присущих звучанию речи профессора, необычайно богата и выразительна; каждая употреблённая для этой цели лексема отражает то или иное душевное состояние персонажа. Гордость за удачно сделанную небывалую операцию сменяется полной растерянностью и чуть ли ни нервным расстройством при виде результатов. Высокомерие и презрение чередуются с возмущением и гневом в отношениях с «жилтоварищами». И все эти чувства подчёркиваются его голосом: то змеиным, то страшным, то злобным, то унылым, то яростным и т. п.

Как можно заметить, глаголы присутствуют не только при характеристике профессора, но и Шарикова (*сказат ь – молвит ь, бормотат ь – бурчат ь, кричат ь – ревет ь*), однако и здесь наблюдается разница между этими персонажами.

Для подчёркивания вспыльчивого характера профессора М. Булгаков использует и другой синонимический ряд «крикнут ь – рывкнут ь», в которых изначально заложены коннотативные семы: в глаголе «крикнут ь» – сема «резко», а в просторечном глаголе «рывкнут ь» – сема «грубо»:

- «Пальцами блох ловить!» – яростно *крикнул* Филипп Филиппович.
- «Открывайте!» – сердито *крикнул* Филипп Филиппович.
- «Но я не Айседора Дункан!» – вдруг *рявкнул* он, и багровость его стала жёлтой.

Эпизод операции насыщен звуковой характеристикой речи Филипп Филипповича, причём гамма красок подчиняется ситуации: впервые проводится операция, к которой профессор долго готовился; он волнуется, хочет, чтобы она удалась: отсюда и нетерпение, и волнение. Вначале речь его спокойна, но затем вместе с усилением напряжённости меняется и характер речи:

- Ошейник, Зина, – негромко *молвил* Филипп Филиппович.
- Скорее, доктор, – нетерпеливо *молвил* Филипп Филиппович.
- На стол! – весёлым голосом *бухнули* где-то слова Филипп Филипповича.
- Нож! – *крикнул* Филипп Филиппович.
- Иду к турецкому седлу, – *зарычал* Филипп Филиппович.
- Что вы спрашиваете, – злобно заревел профессор.
- Некогда рассуждать тут – живёт-не живёт, – *засипел* страшный Филипп Филиппович.

Приём градации, использованный автором в данных микротекстах, чередование высоких и низких тонов звучания голоса профессора, подчёркивает напряжённость действия и разнообразие синонимических возможностей глагола.

Ещё больше насыщена звуками повесть «Роковые яйца». Профессор Периков, близкий Преображенскому по своему научному потенциалу, стремлением к новому, полностью противоположен ему по внешности, характеру, манере говорить: «*Говорил скрипучим, тонким, квакающим голосом*». Автор недаром использует здесь слово «квакающий», так как профессор специалист по земноводным и его постоянно окружают лягушки –

основной предмет его экспериментов, правда, глагол «квакать» употреблён в повести всего в двух эпизодах: «Персиков... взял трубку и *квкнул*» или «...Трубка *наквакала* ему (Персикову) самое любезное и всяческое содействие».

В речи Персикова много общего с речью профессора Преображенского. Оба кричат, вопят, режут в момент сильного возбуждения; бормочут, бурчат в момент растерянности или раздумий; рывкают, гаркают на окружающих в момент раздражения; рычат и мычат и т. д. Однако в речи Персикова преобладают звучания, исходя из его характера, противоположного характеру Преображенского. Поэтому для звуковой характеристики его речи используются глаголы: *скришет ь*, *ныт ь*, *шипет ь*, *выт ь*, *пищат ь*, отсутствующие у Филипп Филипповича.

- – Ты что же, смеёшься? – *проскришел* Персиков и стал страшен. / Каков мерзавец? А? – *прорычал* Филипп Филиппович.
- – Будьте любезны, – *зменным голосом* обратился Филипп Филиппович к Швондеру. / – Какие-такие объяснения по всему миру? – *заныл* Персиков визгливо и пожелтев.
- – Чёрт бы его взял, – *прорычал* Персиков. / – Так вам и надо! – *рычал* Филипп Филиппович, потрясая кулаками.
- - Вон!!! – вдруг *гаркнул* Персиков, так страшно, что пианино в гостиной издало звук на тонких клавишах.
- – Ну так что же из этого? – *завопил* Персиков. / – Сударыня, – *возопил* Филипп Филиппович.

Из примеров видно, как говорят в минуты раздражения и гнева эти герои. Даже использование глагола «*возопит ь*» вместо персиковского «*завопит ь*» говорит о различии в их характерах. Глагол «*возопит ь*» - книжный, с оттенком торжественности, что подчёркивается старославянской приставкой *воз-*, глагол «*завопит ь*» – разговорный.

Интересна и звуковая характеристика сторожа института, Панкрата. В одном из отрезков повести он предстаёт перед читателями, разбуженный Персиковым: *«Наконец, за дверью послышалось урчание как бы цепного пса, харканье и мычанье, и Панкрат предстал в светлом пятне. Он пошатывался и рычал.. Слушаю-с, – прохрипел Панкрат»*. Такое нанизывание слов со значением звучания, можно считать цепью контекстуальных синонимов, хотя они включают существительные и глаголы, создающие цельную картину характера персонажа.

Если в «Собачьем сердце» действие ограничено в основном пределами одной квартиры, то в «Роковых яйцах» оно охватывает и институт, и московские улицы, и бывшую усадьбу Шереметьевых и т. п. Поэтому звуковой фон повести богаче, чем в «Собачьем сердце». Здесь встречаются звуки трёх типов: звуки, издаваемые предметами; звуки, издаваемые животными; звуки, членораздельные (речь) и нечленораздельные, издаваемые людьми. Предметы издают присущие им звуки: стекло звенит и звякает, газ шипит, печатные машины гудят, двери хлопают и скрипят, пламя гудит, телефон трещит, листы газеты шуршат. Однако в тексте встречаются несколько авторских метонимий (оранжерея шипит, движение шаркает, городок гудит) и метафора (двери стонут).

Толстого корреспондента сопровождает скрип его протеза, становясь его характерной чертой; музыка Вагнера сопровождается громом труб, воплями Валькирий, воем и грохотом оркестра; очевидно, М. Булгаков, как и его персонаж Персиков, недолюбливает композитора, что и видно в этом фрагменте текста.

Животные в повести представлены жабами, змеями, птицами, собаками с характерными для них звуками (собаки воют, змея издаёт шуршание и шорох, жабы, лягушки, птицы стрекочут).

Звуки, издаваемые людьми, это или нечленораздельные звуки:

«– Ах нет, хи-хи-хэ... во время этой хи-хи революции»; «– Не буду я пить никакого чаю... мур-мур-мур... и чёрт их всех возьми...»;

или звучание речи, или звуки, производимые человеком (*щёлка т ь* крышкой портсигара, *шлёпат ь* сандалиями, *звенет ь* инструментами, толпа *шуршит*).

Интерес представляет использование М. Булгаковым глагола «*выт ь*» и производные от него: *завыват ь*, *подвывает ь*, *взывает ь*. Они используются:

- при описании звуков, издаваемых собаками: пёс Шарик воет от боли и голода, собаки в селе Концовка воют от предчувствия беды;
- при описании звуков, издаваемых людьми: тот же Шариков воет от боли, когда зашивают рану;
- при описании звучания человеческой речи:

– Видно, в Альказаре набрался старичок, – *завыл* левый пьяненький.

– Кошмарное убийство на Бронной улице, – *завывали* неестественно сильные голоса.

– Задавят!!! Давят!.. – *выли* где-то.

Мальчики-газетчики *рычали* и *выли* между колёс моторов.

Особенно часто он используется при характеристике речи Персикова:

– Что это за газетный вопрос? – *завыл* Персиков.

4. При описании звуков, издаваемых предметами:

Очень чисто, тревожно *завывая*, ...проносились шипящие машины.

На вокзале то и дело ... *выли* паровозы.

Особенно насыщен звуками эпизод «Роковых яиц», где описывается ночь и паника в Москве. М. Булгаков так и называет её «воющей»: «Но плакаты не могли остановить *воющей* ночи» (Булгаков 1984. 134).

Наряду с такими глаголами, как «*гудет ь*», «*бренчат ь*», «*рвякат ь*», «*ст рекот ат ь*», создающими невообразимый шум мечущихся людей и машин, используется, и неоднократно, глагол «*выт ь*». *Воют* машины, паровозы, *т олла*. Всё это нагнетает атмосферу ночи, предвещает грядущую беду.

Заключение

Проведённый анализ позволяет считать, что М. Булгаков не только полностью использовал изобразительные возможности экспрессивных глаголов, но и обогатил их, внёс новые краски и оттенки, выявил потенциальные возможности глаголов звучания, включил их в синонимические ряды окказионального характера. Ведь «текст имеет диахронную глубину, это культурная память произведения, в которой хранится множество «кодов», новых и старых, забытых и полузабытых и потому обладающих различной степенью актуальности для современной аудитории» (Тодоров 2003. 6), а синонимика, тем самым, является сферой бесконечных возможностей речевого творчества.

Литература

- 1- Булгаков М. А. (1990). *Собрание сочинений в V томах*. Москва. Изд. «Художественная литература».
- 2- Васильев Л. М. (1981). *Семантика русского глагола*. Москва. Изд. «Высшая школа».
- 3- Кожевникова Н. А. (1977). *О соотношении речи автора и персонажа*. Москва. Изд. «Наука».
- 4- Крейдлин Г.Е. (2000). *Невербальная семиотика в её соотношении с вербальной*, Диссертация по специальности 10.02.19 «Теория языка». Москва.
- 5- Лотман Ю. М. (2002). *История и типология русской культуры*, Санкт-Петербург, изд. «Искусство-СПб».
- 6- Мурашов А. А. (2003). *Культура речи: учебное пособие*. Москва, Изд.: Московский психолого-социальный институт.
- 7- Норман Б. Ю. (2003). *Теория языка. Вводный курс*. Москва, Изд.: «Флинта».
- 8- Растье Ф. (2003). *Действие и смысл к семиотике культуры*. Критика и семиотика. Новосибирск. Изд.-во НГУ.
- 9- Степанов Ю. С. (2001). *Семиотика: Антология*. Екатеринбург: Изд.: Деловая книга, Изд. 2-ое, испр. и доп. – Москва: Изд.: «Академический Проект».
- 10- Тодоров Ц., *Семиотика литературного языка*. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000693184_155772/, 01.07.2024.

Использованные словари

- 1- Горбачевич К. С. (2012). *Словарь синонимов русского языка*. Москва. Изд.: Эксмо.
- 2- Кожевников А. Ю. (2003). *Большой синонимический словарь русского языка*. СПб. Изд.: Нева.
- 3- Фасмер М. (2004). *Эт имологический словарь русского языка*. В 4-х т. Москва, Изд.: Астрель.
- 4- Ушаков Д.Н. (2017). *Большой толковый словарь русского языка*. Москва. Изд.: Славянский Дом Книги.

Bibliography

- 1- Bulgakov M. A. (1990). *Sobranie sochinenii v V tomakh*. Moskva. Izd. «Khudozhestvennaia literatura».
- 2- Vasil'ev L. M. (1981). *Semantika russkogo glagola*. Moskva. Izd. «Vysshaia shkola».
- 3- Kozhevnikova N. A. (1977). *O sootnoshenii rechi avtora i personazha*. Moskva. Izd. «Nauka».
- 4- Kreidlin G.E. (2000). *Neverbal'naiia semiotika v ee sootnoshenii s verbal'noi*, Dissertatsiia po spetsial'nosti 10.02.19 «Teoriia iazyka». Moskva.
- 5- Lotman Iu. M. (2002). *Istoriia i tipologiia russkoi kul'tury*, Sankt-Peterburg, izd. «Iskusstvo-SPb».
- 6- Murashov A. A. (2003). *Kul'tura rechi: uchebnoe posobie*. Moskva, Izd.: Moskovskii psikhologo-sotsial'nyi institut.
- 7- Norman B. Iu. (2003). *Teoriia iazyka. Vvodnyi kurs*. Moskva, Izd.: «Flinta».
- 8- Rast'e F. (2003). *Deistvie i smysl: k semiotike kul'tur*. Kritika i semiotika. Novosibirsk. Izd.-vo NGU.
- 9- Stepanov Iu. S. (2001). *Semiotika: Antologiiia*. Ekaterinburg: Izd.: Delovaia kniga, Izd. 2-oe, ispr. i dop. – Moskva: Izd.: «Akademicheskii Proekt».
- 10- Todorov Ts., *Semiotika literatury*. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_000693184_155772/, 01.07.2024.

Dictionaries

- 1- Gorbachevich K. S. (2012). *Dictionary of synonyms of the Russian language*. Moscow. Publisher: Eksmo.

- 2- Kozhevnikov A. Yu. (2003). *Large synonymous dictionary of the Russian language*. SPb. Publisher: Neva.
- 3- Vasmer M. (2004). *Etymological dictionary of the Russian language*. In 4 volumes. Moscow, Publisher: Astrel.
- 4- Ushakov D.N. (2017). *Large explanatory dictionary of the Russian language*. Moscow. Publisher: Slavic House of Books.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Balasanian Mariana Albertovna, Khinchagashvili Natela Shotaevna (2024). IMPLEMENTATION OF SYNONYMIC POSSIBILITIES OF SOUNDING VERBS (BASED ON M. BULGAKOV'S STORY «FATAL EGGS» AND «HEART OF A DOG»). *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literaturny*, 12(2), 51-68.

DOI: 10.61186/iarll.24.3

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/322>

بررسی امکان هم‌معنایی افعال بیان‌کننده اصوات (بر اساس رمان‌های «بذرهای شوم» و «قلب سگی» میخائیل بولگاکف)

مارینا بالاسانیان^{*1}

دانشیار دانشگاه دانشیار دانشگاه دولتی سامتسخه-جاواختی،
آخالسیخه، گرجستان.

ناتلا حینچاگاشویلی²

استاد دانشگاه دولتی گوری،
گوری، گرجستان.

(تاریخ دریافت: ژوئن 2024؛ تاریخ پذیرش: اوت 2024)

چکیده

در مقاله حاضر سعی شده با بررسی یکی از روش‌های نشانه‌شناختی در تحلیل آثار ادبی که میخائیل بولگاکف در آثار خود از آن استفاده می‌کند، گزاره‌های منطقی را که وی به شخصیت‌های داستان‌هایش می‌بخشد، شناسایی و دسته‌بندی نماییم. به نظر می‌رسد تحلیل مترادف‌های زبانی که م. بولگاکف در آثار خود از آن بهره می‌برد، با بررسی موردی افعال بیان‌کننده اصوات، شناخت خوبی برای تفسیر کلی متون آثار وی به دست می‌دهد. رمان‌های «بذرهای شوم» و «قلب سگی» که در این مقاله بررسی شده، هجوآمیز است و حرکت به‌طور کامل در آنها جریان دارد. به همین دلیل این دو رمان برای بررسی نشانه‌شناختی متن‌شان مناسب تشخیص داده شده است، چرا که در علم نشانه‌شناسی، متن به مثابه زبان در حرکت تحلیل می‌شود. در مقاله حاضر تعداد 53 فعل تحلیل شده است. برای نمونه، افعالی که بیان‌کننده معنای لغوی صوت هستند از بین واژگان انتخاب شده است. به لحاظ علمی پژوهش حاضر از آن جهت دارای روش جدیدی است که برای حل مسئله، استفاده از مترادف‌های معنایی (بجز پژوهش یو.اس. استپانوف) و به‌ویژه مترادف‌های فعلی از منظر نشانه‌شناسی، کار زیادی انجام نشده است.

واژگان کلیدی: مترادف معنایی، افعال بیان‌کننده اصوات، نشانه‌شناسی، میخائیل بولگاکف.

1. E-mail: balasianm@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-7365-9725>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی - پژوهشی

2. E-mail: natela.sveta@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-0322-378X>